

ло, но серьезного стремления найти в их воззрениях то, что способно было стать основой для движения отечественной науки вперед, не наблюдалось. Эти основы искались на пути переосмысления и усовершенствования новых западноевропейских веяний: сначала боклевского позитивизма, затем тэнновского психологизма, марксистского экономизма, неокантианского критицизма и т.д. В начале XX в. благодаря этим «усовершенствованиям и переосмыслениям» российская философия исто-

рии в лице таких ее выдающихся представителей как Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, Р.Ю. Виппер, Л.П. Карсавин завоевывала все больший авторитет в европейском ученом сообществе, и становилась все менее понятной рядовому российскому историку-конкретнику и рядовому российскому историку-учителю, получившим когда-то импульс для своего духовного развития от той историографии, с которой новая методология не захотела сохранить идейное родство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Iggers G.G. *Historiography in the Twentieth Century: from scientific objectivity to the postmodern challenge*. – Hannover and London: Wesleyan University Press, 1997. – 487 S.
2. *Geschichtsschreibung im 20. Jahrhundert*. – Berlin: Fides Verlag, 1998. – 484 S.
3. Сахаров А.Н. О новых подходах в российской исторической науке. 1990-е годы // *История и историки*, 2002: Историографический вестник / Под ред. А.Н. Сахарова. – М.: Наука. 2002. – С. 3–28.
4. Зверева Г.И. Цивилизационная специфика России: дискурсивный анализ новой «историософии» // *Общественные науки и современность*. – 2003. – № 4. – С. 98–112.
5. Яковенко И.Г. *Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы*. – Новосибирск: Наука, 1999. – 216 с.
6. Герье В.И. *Очерк развития исторической науки*. – М., 1865. – 113 с.
7. Ардашев П.Н. *История как наука* // *Русское богатство*. – 1896. – № 4. – С. 1–25.
8. Ардашев П.Н. *Психология в истории* // *Вопросы философии и психологии*. – 1895. – № 3. – С. 294–313.

УДК 930.1

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЯ В ИЗОБРАЖЕНИИ Г.П. ФЕДОТОВА: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Л.А. Гаман

Северский государственный технологический институт
E-mail: secretary@sti.edu.ru

Анализируются некоторые аспекты концепции советской истории русского религиозного мыслителя Г.П. Федотова (1886–1951), в основных своих чертах сложившейся в поздний период творчества.

Многие представители русской религиозной мысли, оказавшись за пределами России, не переставали внимательно изучать процессы, происходящие на родине. Живой интерес к жизни своей страны питался не только искренней к ней любовью. Он мотивировался и глубокой верой в будущую востребованность сохранённой и обогащённой в изгнании религиозно-философской мысли, как части русской культуры [1]. В ряду ярких представителей русского зарубежья, осознававших себя продолжателями отечественной духовной традиции, видное место занимает религиозный мыслитель, историк Г.П. Федотов (1886–1951). Интеллектуально-духовное наследие его, разноплановое и удивительно богатое по своему содержанию, по-прежнему остаётся созвучным современной России. Среди множества тем, привлекавших внимание учёного, можно выделить целый комплекс, связанный с советским этапом российской истории. Особенную глубину и научную значимость его размышлениям о Советской России придают интеллектуальная честность учёного, неизменно подчёр-

киваемая исследователями [2–4] равно как его активная гражданская позиция в годы жизни в России и в эмиграции. Несомненная актуальность этой части творческого наследия Г.П. Федотова отчасти обусловлена настойчивыми попытками современной отечественной историографии, выработать взвешенные подходы к недавнему прошлому страны, преодолеть многие мифологизированные представления о нём [5]. В свете сказанного представляется возможным обозначить в качестве ключевой задачи статьи систематическое освещение некоторых аспектов историко-философских взглядов Г.П. Федотова о советской истории. Причём, в данной работе автором сознательно делается акцент на освещении ряда позитивных явлений советской истории, отмеченных учёным. Это, однако, не означает игнорирования обоснованной его критики негативных процессов, имевших место в Советской России.

Объективное исследование сложного, противоречивого характера советской истории призвано способствовать формированию здорового исторического сознания, важнейшим конструктом кото-

рого является идея исторической преемственности [6]. Размышляя над этой проблемой, Федотов писал: «Всякое создание культуры имеет общий фон, который состоит из традиций, из соединённых усилий народа, из «общего дела». Взятая из большой дали, культура обнаруживает единство – по крайней мере, единство направленности ...» Федотов [7, 8]. Историческая преемственность предполагает генетическую связь всех временных модальностей, что, в частности способствует сохранению неповторимой индивидуальности отдельного народа в общей канве мировой истории.

Существенно, что Федотов никогда не сомневался в принадлежности советского периода общей линии развития российской истории, несмотря на глубокий культурный разлом страны, произошедший в результате русской революции. Идея исторической преемственности может быть отнесена к разряду основополагающих в историко-философских построениях учёного. Причём, её присутствие прослеживается не только в анализе макроисторических процессов, но и в явлениях менее масштабного порядка. Так, исследуя социальный портрет «антилиберального» советского человека, опираясь при этом на свой метод «индивидуализации культурно-исторических типов», [3] учёный, в частности, указал на его глубокую типологическую близость по социально-психологическим показателям «московскому» человеку, строителю и защитнику допетровского русского государства. Первый «ближе к москвичу своим гордым национальным сознанием, его страна единственно православная, единственно социалистическая – первая в мире: третий Рим... Может показаться странным говорить о московском типе в применении к динамизму советской России ... Однако это движение идёт по линии внешнего строительства, преимущественно технического ... За внешним бурным ... движением – внутренний невозмутимый покой», – подчёркивал Федотов [9].

Оригинально истолкованная в свете проблемы преемственности идея «наложения исторических эпох» позволила, в частности, приблизиться к глубокому пониманию многих болевых проблем отечественной истории XX в., в том числе природы «сталинокрапии». Эту последнюю он связывал не только с практикой большевизма, но и с русской традицией деспотической власти, ведущей своё начало от Ивана Калиты и его потомков. «Разве деспотизм преемников Калиты, уничтоживший и самоуправление уделов, и вольных городов, подавивший независимость боярства и Церкви, – не привели к склерозу социального тела империи, к бессилию средних классов и к «черносотенному» стилю народной «большевистской» революции?», [10] – замечал Федотов. Свою роль, безусловно, играл и предельно низкий культурный уровень самого Сталина, что объективно подчёркивалось учёным [11]. Таким образом, обращаясь к исследованию Советской России, Федотов руководствовался фундаментальной теоретической посылкой, в соответ-

ствии с которой советский период мог быть объективно истолкован лишь в контексте российского исторического процесса.

Важным методологическим принципом Федотова, как религиозного мыслителя, являлось признание единой христианской природы европейской цивилизации, важнейшей составной частью которой являлась её российская ветвь. Основные тенденции мировой истории, в первую очередь, нового и новейшего времени, справедливо полагал он, были обусловлены общностью истоков двух внешне столь непохожих миров. Это не означало игнорирования специфики отдельных культур. Как указывалось выше, признание социально-культурных особенностей отдельных народов рассматривалось учёным в качестве важнейшего условия познания исторического процесса. В связи с этим, Федотов, в частности, подчёркивал: «... надо приучиться видеть Россию в русском свете, а Европу в европейском, не путая безнадежно нашего двойного опыта». [12]

Признание многообразия мира при его коренном единстве подталкивало мыслителя к поиску критериев, которые позволяли бы глубже понять специфические особенности западной и российской культур, равно как природу конкретных исторических событий и явлений. Один из таких важнейших критериев, которым он руководствовался в процессе познания истории, получил следующую формулировку: «... правда достоинства человеческой личности и религиозного смысла соборного дела культуры» [12]. Применительно к изучению советской истории такой критерий должен был способствовать объективному выявлению достоинств и недостатков коммунизма и капитализма как идеологических и экономических систем. В своём общем значении он органично вписывался в основную историософскую схему русской религиозно-философской мысли, ключом к диалектике которой, как убедительно показал другой русский мыслитель, В.В. Зеньковский, являлась проблема «секуляризма» [13]. Одним из центральных методологических принципов Федотова стало представление о глубокой взаимозависимости процессов, протекающих в мире, которая лишь усиливалась по мере увеличения темпов глобализации. В качестве примера укажем на его размышления относительно ключевых факторов, обусловивших победу революции в России. Учёный подчёркивал, что таковыми стали «всенародность революции», высвободившей «огромные энергии ...», которые были перехвачены коммунистической фабрикой, и «социальное оскудение Европы», исключившее любые внешние препятствия для большевистского опыта [10]. Истоки социальной бесплодности Европы связывались учёным не только с непосредственной практикой западных правительств, но и с уклонением христианской Церкви от своей социальной функции. (Впрочем, это касалось, согласно Федотову, не только западного христианства, но и православия). Как полагал мыслитель, оттеснение социальной проблематики на периферию религиозного созна-

ния стало одной из важнейших предпосылок секуляризации культуры и развития процессов модернизации в новое время [14].

Таким образом, победа революции в России рассматривалась как результат сложного переплетения внутренних и внешних факторов. Ведь не случайно «моральная элита Европы» сочувственно относилась к советскому строительству в первое десятилетие существования Советской России. Учёный подчёркивал, кроме того, что Европа оказалась вынужденной отреагировать на социальную проблематику, остро поставленную русской революцией, в том числе и дальнейшим совершенствованием собственной социальной политики [12]. Ведущую тональность этим идеям придавало признание сложного характера коммуникации Европы и Советской России, включающей множество культурных, экономических и политических опосредований. Очевидна позитивность подобного подхода, в русле которого появляются дополнительные возможности для выявления особенностей российского варианта социокультурной модернизации.

Особое место в концепции Федотова занимала проблема природы и социальных последствий индустриализации. Теория Федотова содержательно близка современной теории модернизации, в русле которой индустриализация рассматривается как необходимое условие преодоления промышленной отсталости. Мыслитель не сомневался в её необходимости для России. Подчёркивал он, кроме того, «оборонный» характер советской индустриализации. «Сейчас цивилизация – самая низменная, техническая – имеет в России каритативное, христианское значение. Вопрос об оружии сложнее ... Во всяком случае, не она угрожает, а ей угрожают её враги, могущественные, безжалостные. Постольку оправдана, отчасти, военная тенденция её индустриализма», – подчёркивал Федотов [15].

Учёный не оставил без своего внимания сложную проблему ресурсов модернизации России, равно как мотивации непосредственных её участников. Стремясь к объективному её освещению, он указал на трагичное сочетание в практике советского строительства неслыханного насилия над русским народом и энтузиазма, подпитываемого, в частности, привлекательностью технического идеала капитализма, воплотившегося в мечте «Россия – Америка» [10]. Первая часть проблемы не связывалась учёным исключительно с деятельностью репрессивной системы в Советской России. Её составной частью в концепции Федотова являлась проблема допущения русским народом подобного насилия над собой, болезненную, для русского национального сознания и сегодня. Оно стало возможным, полагал он, в результате сложного взаимодействия целого комплекса социально – психологических факторов, начиная от «вековой привычки к повиновению» [7], и заканчивая рядом особенностей русского религиозного сознания, центральным компонентом которого является признание страдания как «высшего нрав-

ственного критерия, как почти абсолютной нравственной вершины» [16].

Федотов признавал высокую результативность технических достижений в Советской России. Более того, полагая, что техническое направление выбрано правильно, он прогнозировал динамичную трансформацию страны в сторону американской цивилизации в шпенглеровском смысле [15]. Другое дело, что темпы технического развития были постепенно утрачены. Главными причинами тому послужили ущемление свободы в России, с одной стороны, и «органическое головоунытие режима (отчасти совпадающее с самым духом большевизма)», блокировавшие многие разумные начинания, с другой [15, 17]. Озабоченность мыслителя скорее вызывал чрезмерный рост привлекательности технического идеала для советского человека, что грозило, как он полагал, окончательной утратой представлений о высшем призвании русского народа. В связи с этим он писал: «... как воссоздать в России тот разрушенный революцией культурный слой, который был способен поднять качество культурной работы и передвинуть центр интересов с вопросов техники к вопросам духа?» [15].

Анализируя глобальные изменения, происходившие в советском обществе, Федотов коснулся проблемы мещанства, как социального и духовного явления. Эта проблема, традиционная для русской религиозной мысли со времён Н. Гоголя, А. Герцена, К. Леонтьева не рассматривалась им исключительно негативно: «Социалистическому обществу не удалось избежать своего мещанства. Оно выполняет даже положительную морально-санитарную роль ...», – замечал учёный [18]. Анализируя одну из форм «социалистического мещанства», проявившуюся в частичной реставрации дореволюционного быта, включая социально-психологические его составляющие, он пришёл к выводу о формировании в Советской России своего рода среднего класса, без которого «общество – всякое общество – расколосилось бы на враждующие классы» [19]. Аполитичная настроенность этой категории населения служила гарантом социальной стабильности в стране, полагал учёный [18]. Россия, пережившая глубокие социальные потрясения не сумела избежать и нового неравенства, проявившегося в формировании новых элит. Социологический оттенок этой части размышлений позволил учёному аргументировано показать универсальность таких процессов, равно как активизацию политической, социальной и культурной мобильности в переломные эпохи, что явилось характерным и для Советской России. Эта тема приобретает особую устойчивость в творчестве Федотова со второй половины 1930-х гг.

Федотов обладал способностью понимать семантическую сложность советского общества. Так, существование социалистического мещанства, констатированное им, рассматривалось параллельно с проблемой гуманизма, как потенциально возможного явления в Советской России [11]. Учёный не отри-

цал действительного поворота к человеку в стране, однако интерпретировал его в свете исключительно хозяйственных потребностей советской экономики. «Производство требует культурного человека: это новое открытие влекло за собою отступление не только от самодовлеющего техницизма, но и марксизма в его тоталитарных притязаниях» [11]. Подлинный же гуманизм возникает лишь в случае постановки в обществе проблем свободы и духовной жизни в «их взаимоотношениях», составляющих «самую тему гуманизма» [18]. Между тем, репрессивное отношение к любым подобным проявлениям в Советской России являлись непреодолимым препятствием для гуманизма. Однако, несмотря на это, полагал учёный, некоторые симптомы свидетельствовали о глубинных процессах в обществе.

В свете сказанного представляется уместным остановиться на интерпретации Федотовым феномена всенародного интереса к творчеству А.С. Пушкина в Советском Союзе, действительно имевшего знаковый характер. Нравственное значение этого фактора для России было особенно велико по двум причинам. Во-первых, в свете репрессивной политики по отношению к религиозной вере, проводимой советскими властями. Во-вторых, в связи с глубоким имморализмом последних, безгранично распространившимся в сталинский период, когда ложь перестала восприниматься как нечто непозволительное, напротив, став «всеобщей повинностью», развращающей не только власть, но и народ [19]. Всенародный интерес к Пушкину свидетельствовал о сохранении нравственной восприимчивости в среде, отмеченной деформацией религиозно-этических начал. В данном случае отчётливо проявилось одно из важных умозаключений Федотова – правящий строй в Советском Союзе, несмотря на его большую связь с народом, не может отождествляться с ним [19]. В личности и творчестве А.С. Пушкина, с его «незримым этическим фоном» [21] Федотову импонирует и выраженное в поэтической форме стремление синтезировать в русской жизни начала государственности и свободы. Их рассогласованность в практике российского государства, полагал Федотов, явилась одной из роковых причин катастрофических событий XX века [22]. Начертанный русским поэтом идеал – «синтез Империи и свободы» – рассматривался Федотовым в качестве исторического задания для русского народа.

Примечательно, что в Советской России первых десятилетий учёный усмотрел симптомы преодоления разрыва между государством и культурой [20]. В целом, возвращение отдельных элементов дореволюционной культуры, в том числе русской литературы, в советскую жизнь рассматривалось Федотовым в качестве положительного фактора, значение которого не ограничивалось появлением дополнительных возможностей для нейтрализации и преодоления негативных последствий культурного разлома страны. Динамика роста интереса к культурным ценностям, накопленным в прошлом, наряду с широким распространением элементарного прос-

вещения, свидетельствовала о глубинных процессах, протекавших в недрах массового сознания русского народа. Одним из важных результатов их развития явилось преодоление элитарного характера отечественной культуры [15]. Её демократизация, осуществляемая высокими темпами, несмотря на понижение качественного уровня в России, свидетельствовала о приближении России к европейским стандартам образованности населения, являющейся важнейшим компонентом социокультурной модернизации общества. В этом, по убеждению Федотова, заключалось основное культурное содержание русской революции. Заметим попутно, что не менее важными в условиях тоталитаризации жизни в Европе и Советской России Федотов считал зарождение новых культурных тенденций. Среди них – появление «областной, региональной литературы», рассматриваемой автором своеобразным показателем снижения уровня присутствия государства в жизни отдельного человека. Федотов писал: «Чем отличается областническая литература от национального эпоса ...? Главным образом отсутствием государства. Здесь человек-крестьянин живёт лицом к лицу с Богом и землёй ...». Среди писателей, которые «спасают бесценное и вечное» в России, Федотов упомянул Пришвина [23].

В своих произведениях учёный коснулся ещё одной важной проблемы, а именно «советского патриотизма», тесно связанного с системой ценностей советского человека. Его внимание к ней объясняется двумя причинами. Во-первых, большим значением патриотизма для созидательного исторического творчества народа. Отчасти именно поэтому Федотов подчёркивал высокую ценность исторической мифологии в жизни народов, как компонента национального сознания [24]. Во-вторых, одной из причин падения российского самодержавия он рассматривал нежелание русского солдата защищать свою страну. В связи с этим он подчёркивал: «За гнилой властью, за бедной техникой мы увидели народ, который отказался защищать родину» [25]. Констатация факта «выветривания русского патриотизма» в народе в предреволюционные годы по-особому оттеняла новое рождение патриотизма в советское время.

Учёный полагал, что первоначальными истоками советского патриотизма являлась потребность сталинского режима активировать энтузиазм советского народа, стимулировать с его помощью усилия по защите «завоеваний революции от внешних и внутренних врагов» [18]. Постепенно первоначальный революционный мотив, подчёркивал Федотов, отеснился подлинной ценностью – любовью к России, что особенно ярко проявилось в тяжёлые годы II Мировой войны. Федотов отмечал: «... война разбудила ключи дремавшей нежности – к поруганной родине, к женщине, жене и матери солдата» [9]. В структуре советского патриотизма национальный компонент, рассматриваемый им как прорыв «бурной национальной стихии» [26], не вытеснил окончательно политического. Однако по его мысли, та-

кова природа любого патриотизма: «... политический ингредиент входит во всякое национальное сознание» [18]. Делая акцент на возрождении национального сознания, как условия национальной и религиозной самоидентификации народа учёный резюмировал: «Новый советский патриотизм есть факт, который бессмысленно отрицать. Это есть единственный шанс на бытие России» [25].

Все обозначенные и многие другие проблемы историко-философской концепции советской истории Федотова центрированы на проблеме свободы, история которой в России всегда отличалась сложностью и даже трагичностью. Советский период, настаивал он, стал одним из её эпизодов. Свобода, зародившаяся на христианской почве средневековой Европы, подчёркивал учёный, оказалась чуждой по своему духу «византийско-московской традиции», возобладавшей в России. Возможность же её распространения в имперский период российской истории связывалась Федотовым с сохранившимися в глубинах коллективной памяти воспоминаниями о свободолюбивом киевском периоде отечественной истории [27, 16]. Однако в имперской России, полагал мыслитель, представления о свободе личности не получили широкого распространения, оставшись чуждыми основной массе населения, не принявшей её в свою систему ценностей. Это и сделало столь лёгким искоренение свободы в революционный период. «Весь процесс исторического развития на Руси стал обратным западноевропейскому: это было развитие от свободы к рабству», — констатировал мыслитель [9]. В России советской ситуация усугублялась и тем, что в ряду декларированных победившей революцией ценностей свобода не выносила в качестве самостоятельной. «Свобода никогда не была основной темой русской революции», — подчёркивал учёный [15]. Федотов не исключал наличия некоторых проявлений свободы в стране, однако, не имевших «никакого отношения к свободе мысли, слова, культуры» [15]. В 1945 г. он писал: «Русская революция за 28 лет её победоносного, хоть и тяжкого бытия, пережила огромную эволюцию, проделала немало зиг-

загов, сменила немало вождей. Но одно в ней осталось неизменным: постоянное, из года в год, умаление и удушение свободы ...» [9].

В контексте своих размышлений он критически оценивал тенденции России к проявлениям политики изоляционизма по отношению к европейским странам, основным источником свободы для неё, как в исторической ретроспективе, так и в перспективе её дальнейшего развития [27]. Впрочем, и для Европы разрушение контактов с Россией представлялось Федотову губительным. Он настаивал: «... как европейская федерация немыслима без России, так и культурная жизнь России немыслима без Европы» [27]. Федотова всегда отличала универсалистская настроенность, обусловленная его теоретическими установками, особенно усилившаяся по окончании II Мировой войны, нашедшая своё отражение в его представлениях о перспективах развития мирового сообщества. Подобно некоторым другим русским мыслителям, например Бердяеву, учёный являлся сторонником реформирования прежних принципов мирового сотрудничества, будучи убеждённым в их несостоятельности: «Вторую войну можно понять лишь в теснейшей связи с первой, как её второй акт» [24]. Не сомневаясь в возможности единения мира, он предложил проект всемирной федерации, основанной на принципе сочетания политической власти единого центра и культурной автономии всех народов. Этот утопический по своему характеру проект предусматривал отказ России от «имперских притязаний» и её интеграцию во всемирную федерацию, что должно было сопровождаться её освобождением и раскрытием творческого потенциала русского народа [24].

Таким образом, концепция советской истории Федотова отразила противоречивый образ Советской России. Она сочетает объективную критику негативных её сторон с позитивными оценками ряда явлений, что может помочь становлению более взвешенных подходов к одному из наиболее сложных и мифологизированных периодов российской истории, исключение которого из целостной истории России как научно недопустимо, так и этически некорректно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федотов Г.П. Будет ли существовать Россия? // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. — М.: Наука, 1990. — С. 450–462.
2. Волгогонова О.Д. Интеллектуальная биография // <http://www.philosophy.ru/library/volk/berd.html>
3. Иволина О.И. Время свободы. Проблема направленности истории в христианской исторической мысли России XIX — середины XX вв. — Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2000. — 442 с.
4. Мень А. Георгий Федотов // <http://www.vehi.net/men/fedotov.html>
5. Волков В.В. Советская цивилизация как повседневная практика: возможности и пределы трансформации // Куда идёт Россия?.. Трансформация социальной сферы и социальная политика / Под общей ред. Т.И. Заславской. — М.: Дело, 1998. — С. 323–333.
6. Могильницкий Б.Г. Историческое познание и историческое сознание // Историческая наука и историческое сознание / Б.Г. Могильницкий, И.Ю. Николаева, С.Г. Ким, В.М. Мучник, Н.В. Карначук. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. — С. 34–67.
7. Федотов Г.П. Письма о русской культуре // Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. — СПб.: София, 1991. — Т. 2. — С. 163–187.
8. Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции. Опыты 1917–1918. — СПб.: Изд-во РХГИ, 1998. — 432 с.
9. Федотов Г.П. Россия и свобода // Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. — СПб.: София, 1991. — Т. 2. — 276–303.
10. Федотов Г.П. Правда побеждённых // Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. — СПб.: София, 1991. — Т. 2. — С. 15–40.

11. Федотов Г.П. Сталинокрапия // Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 83–97.
12. Федотов Г.П. Россия, Европа и мы // Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 3–14.
13. Зеньковский В.В. История русской философии. – Л.: ЭГО, 1991. – Т. 2. – Ч. 2. – 269 с.
14. Федотов Г.П. Социальное значение христианства // Федотов Г.П. О святости, интеллигенции и большевизме. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994. – С. 50–78.
15. Федотов Г.П. Завтрашний день (Письма о русской культуре) // Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 188–205.
16. Федотов Г.П. Русская религиозность Ч. 1. Христианство Киевской Руси // Федотов Г.П. Собрание сочинений в 12 т. – М., 2001. – Т. 10. – 382 с.
17. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2001. – 608 с.
18. Федотов Г.П. Культурные сдвиги // Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 98–102.
19. Федотов Г.П. Тяжба о России // Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 103–121.
20. Федотов Г.П. Пушкин и освобождение России // Федотов Г.П. Судьба и грехи России // Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 129–132.
21. Федотов Г.П. О гуманизме Пушкина // Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 328–332.
22. Федотов Г.П. Певец империи и свободы // Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 141–162.
23. Федотов Г.П. Новое отечество // Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 233–252.
24. Федотов Г.П. Судьба империй // Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 304–326.
25. Федотов Г.П. Защита России // Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 122–125.
26. Федотов Г.П. Новый идол // Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 50–65.
27. Федотов Г.П. Федерация и Россия // Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 228–232.

УДК 9(С)17–03

УТЕРЯННЫЙ ШАНС РОССИИ?

А.В. Луценко

Северский государственный технологический институт
E-mail: kon@ssti.ru

Рассматривается эволюция российской либеральной идеологии конца XX века, оценивается историческая связь реформ 1990-х гг. с вестернизационной парадигмой русского освободительного движения второй половины XIX века, отслеживаются марксистские «корни» процесса вестернизации Российской империи, излагается позиция самого К. Маркса по вопросам о модернизации российской экономики и о роли общины в развитии страны.

Состояние российского общества в конце XX века можно охарактеризовать как чрезвычайно противоречивое. Своеобразие ситуации определялось двумя моментами:

1. С одной стороны, настойчиво декларировался отказ от идеологического обеспечения проводимых реформ, и это объяснялось застарелой идиосинкразией населения ко всему, что ассоциировалось с тоталитарным политическим режимом и авторитарным вмешательством государства во все сферы общественной жизни. Апологетов либерализации социальных институтов вся страна узнала в лицо и могла перечислить поименно, а их позиция была встречена на многотысячных митингах всеобщим ликованием, которое трактовалось как «упоение свободой», «праздник свободы мысли и

слова, свободы выбора и действия». Во главе этого праздника стояли ученые, писатели, инженеры, экономисты, журналисты, адвокаты, артисты, – словом, вся интеллектуальная элита, которая горячо и аргументированно клеймила советский строй и марксизм как чуждое и ненавистное явление. Любая идеология воспринималась как средство давления на общественное сознание, как зло, с которым больше не хотели мириться.

2. С другой стороны, на фоне этого «упоения свободой» и заявленного отказа от идеологической заданности хронически обнаруживали себя в реальной жизни объективно фиксируемые признаки того, что принято считать идеологией со всеми ее понятийными параметрами. Доктор философских наук Аюп Назаретян отмечал любопытное обстоя-